

Историческая реальная основа песни и этого рассказа существенно разнятся. В одном случае — обычный, видимо, при сборе ясака в Сибири эпизод; в другом — столь же типичное похищение. Песня не довела до конца рассказ о судьбе „красной девицы молодой Урзамовны“: казаки привезли ее на „стругах лехких“ на Ахтубу, здесь они пируют „на великих на радостях со добычи“. На этом данный сюжет в передаче Сборника Кириши Данилова обрывается, и песня переходит к описанию убийства Карамышева. Повесть закончила рассказ о похищении, раскрыла, откуда у казаков появилась богатая добыча, и даже с этой добычей связала и весь план захвата хитростью Азова.

Как видим, повесть свободно обошлась со своим песенным источником. Этот источник, по справедливому определению А. С. Орлова, представляет поэтическое изображение „реального события, известного казачьего подвига на Каспийском море“.¹ Таким событием явилось, по его мнению, пленение дочери персидского Менеды-хана в 1669 году казаками Степана Разина, взявшего персиянку в наложницы. В казачьем репертуаре не сохранилось песни, перенесшей это событие ко времени взятия Азова. Но, поскольку и в исторических источниках нет указаний на то, что походу на Азов предшествовал удачный набег за добычей, в числе которой была и невеста крымского хана, — приходится предполагать, что Сказочная повесть самостоятельно объединяет устные предания разных циклов вокруг героического азовского сюжета.

Автор сумел органически влить этот дополнительный эпизод в композицию собственно воинской части своего повествования. Крымский хан, действительный участник осады Азова, отождествляется автором с женихом похищенной девушки. Этот хан Старчий, по повести, был убит во время дерзкого ночного нападения казаками, застигшими его спящим в шатре. Крымский хан на самом деле был ранен во время одного из приступов на Азов и умер на обратном пути, как об этом рассказала войсковая отписка 7 февраля 1642 года.

Насколько своеобразно использован песенный материал в центральном рассказе о захвате Азова хитростью, настолько вводный эпизод передан автором со всеми чертами реального происшествия без песенной характеристики „красной девицы“, умоляющей казаков не губить ее „красоты“. Дочь паши в повести — не действующее лицо, она просто часть добычи, притом самая выгодная, за которую паша-отец прислал „всякого живота на сто тысяч“. Деловитое изложение этого введения к азовским событиям лишено, таким образом, характерных поэтических черт песни, но и „историчность“ его ограничивается сюжетным планом: вымышленный, поскольку речь идет именно о взятии Азова в 1637 году, сюжет разработан с реалистическими подробностями, тогда как в песне, наоборот, исторический факт обработан согласно с песенной поэтической традицией, украсившей его типичными общими местами этого стиля.

Книжно-архаическая стихия преобладает в языке данных эпизодов повести и в описании взятия Азова.

Автор Сказочной повести проявил свое отношение к казачьей исторической песне не только в том, что он заменил изложение конкретных исторических фактов песенными обобщениями. В отличие от Поэтической повести, не выделяющей из массы казачества отдельного военного героя, Сказочная повесть, как и историческая казачья

¹ А. С. Орлов. Сказочные повести об Азове, стр. 155.